

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ
SOCIOLOGY OF MANAGEMENT AND SOCIAL TECHNOLOGIES

УДК 316.77

DOI: 10.18413/2408-9338-2018-4-4-0-6

Богданов В. С.¹
Мерзляков А. А.²

Диагностика потенциала социального участия в контексте организации обратной связи между властью и населением

¹) Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук
ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5, Москва, 117218, Россия
valarf@mail.ru
ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0003-0176-1007>

²) Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук
ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5, Москва, 117218, Россия
merzliakov@mail.ru
ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0001-8846-1423>

*Статья поступила 5 ноября 2018 г.; Принята 12 декабря 2018 г.;
Опубликована 30 декабря 2018 г.*

Аннотация. В статье на основе материалов пилотного диагностического исследования (2015), проведенного в 4-х субъектах РФ, рассмотрена проблема социального участия в управленческой практике. Акцентируется внимание на изучении социокультурного аспекта проблемы. Выдвинуто предположение о влиянии социокультурных и социально-экономических факторов на характер и уровень взаимодействия населения и власти. Предложены три критерия для диагностики потенциала социального участия: уровень развитости каналов обратной связи между населением и властью; общественная оценка эффективности работы как власти, так и самих граждан по совместному решению социально-значимых проблем; общественный потенциал участия. Выявлено, что каждый регион имеет свой уникальный потенциал социального участия. Отмечается низкий уровень удовлетворенности населения пользования каналами обратной связи при общении с органами власти и сохраняющееся отчуждение властной вертикали от реальных нужд людей. Сегодня исследование продолжается в контексте обоснования методики дистанционного анализа работы механизмов обратной связи в отношениях между властью и населением в регионах РФ при выполнении региональных и федеральных стратегических планов. В практической части вопроса уже сейчас актуализируется необходимость разработки социальных технологий работы органов власти и управления с учетом активного участия населения регионов, которые бы позволили апробировать и внедрить новые формы социального участия, а на основе умного регулирования закре-

пили бы механизмы обратной связи между властью и населением через развитие нормативно-правового поля, предоставляющего больше возможностей для реального (не номинального) вовлечения граждан в решение социально-значимых проблем регионов.

Ключевые слова: социальное участие; социальная диагностика; социокультурная модернизация; электронное правительство (e-Government); электронное управление (e-Governance); электронная демократия (e-democracy); электронное участие населения (e-participation); информационные технологии (informational technologies).

Информация для цитирования: Богданов В. С., Мерзляков А. А. Диагностика потенциала социального участия в контексте организации обратной связи между властью и населением // Научный результат. Социология и управление. 2018. Т. 4, N 4. С. 65-77. DOI: 10.18413/2408-9338-2018-4-4-0-6

Vladimir S. Bogdanov¹ | **Diagnostics of the potential of social participation in the context of organizing feedback between authorities and population**
Andrey A. Merzlykov²

¹) Institute of Sociology of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences
bld. 5, 24/35 Krzhizhanovsky St., Moscow, 117218, Russia
isras@isras.ru
ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0003-0176-1007>

²) Institute of Sociology of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences
bld. 5, 24/35 Krzhizhanovsky St., Moscow, 117218, Russia
isras@isras.ru
ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0001-8846-1423>

*Received on November 5, 2018; Accepted on December 12, 2018;
Published December 30, 2018*

Abstract. In the article, the problem of social participation in managerial practice is considered. The results are presented on the basis of materials of the pilot diagnostic study (2015) conducted in 4 regions of the Russian Federation. The article focuses on the study of the socio-cultural aspect of the social participation implementation mechanism. The assumption of socio-cultural and socio-economic factors' influence on the nature and the interaction level between population and authorities is made. The authors propose three criteria for diagnostics of social participation potential: the level of feedback channels development between the population and authorities; the public perceptions of work efficiency of both the authorities and citizens based on joint decision of the socially important problems; the potential of public participation. The authors emphasize the low level of public satisfaction with the use of feedback channels in communication with the authorities and the continued alienation of the power vertical from people's real life. Today, the research is being continued in the context of justification of a technique of the remote analysis of work of feedback mechanisms in the relations between the population and authorities in regions of the

Russian Federation in implementation of regional and federal strategic plans till 2030.

Keywords: social participation; social diagnostics; socio-cultural modernization; electronic government (e-Government); electronic control (e-Governance); electronic democracy (e-democracy); electronic participation of the population (e-participation); information technologies (informational technologies).

Information for citation: Bogdanov, V. S. and Merzlykov, A. A. (2018), "Diagnostics of the potential of social participation in the context of organizing feedback between authorities and population", *Research Result. Sociology and management*, 4 (4), 65-77, DOI: 10.18413/2408-9338-2018-4-4-0-6

Введение (Introduction). Под социальным участием (далее – «СУ») понимается управляемый процесс социальной коммуникации с целью организации совместной деятельности граждан и групп населения с органами власти и управления. Это есть управление с обратной коммуникативной связью. Российский профессор Т. М. Дридзе очень четко зафиксировала, что «реализация социального участия происходит путем перманентного расширения «коммуникативного круга» с постепенным «втягиванием» в него все большего числа социальных субъектов с их разномотивированными критериями оценки социальной ситуации и социально значимых решений» (Дридзе, 1998). Это требующий внимания и всесторонней поддержки непрерывный процесс отношений между населением и органом власти (учреждениями, ведомствами), отвечающим за принятие решений. Он включает: меры взаимодействия с общественностью в части подготовки и принятия решений; информирования о статусе, разработке и реализации проектов, планов и различных программ; активный сбор и учёт мнений заинтересованных граждан, их предпочтений и предложений по использованию ресурсов и альтернативных стратегий (Geddes 1949; Canter 1996; Тихонов, 2009). СУ – это гибридный способ выработки, принятия и реализации управленческих решений. В идеале, в отличие от авторитарного или бюрократического способа он предполагает конструктивное взаимодействие всех субъектов, чьи интересы данное решение

затрагивает или может затронуть в дальнейшем (Мерзляков, 2014).

Под потенциалом СУ понимается совокупность возможностей и средств для реализации взаимодействия всех социальных субъектов, заинтересованных в успешной организации управленческого процесса на этапах выработки и реализации принимаемых решений. Потенциал СУ составляют развитость правового пространства в данной сфере; наличие и использование разнообразных организационных и информационных форм взаимодействия социальных субъектов; социокультурные особенности общественно-политической и территориальной среды, в которой реализуется процесс социального участия (Мерзляков, 2015).

Правовое поле и организационные формы участия – важные компоненты реализации потенциала СУ, но они слабо применимы при отсутствии «запроса» на их использование той средой, для которой они были разработаны. Социокультурная среда формирует особенности взаимоотношений и взаимодействий между населением с властью. Поэтому необходима ее диагностика, перед тем как разрабатывать технологии вовлечения общественности в управленческую практику. Особенно это важно для России, где каждый регион имеет свои традиции, устои, общественные представления, существенно различные в зависимости от истории, актуального состояния и перспектив развития. К тому же, характер взаимодействия между населением и властью в каждом регионе ситуативен

и поэтому по-разному может быть реализован на практике.

В этой связи задача выполненного диагностического исследования – оценка социокультурной составляющей. Выдвинуто предположение: в зависимости от социально-экономического и социокультурного развития в регионах сформировались разные условия для реализации социального участия. Чем сильнее разрыв в социокультурном развитии, тем заметнее различия в особенностях взаимодействия населения и власти, что должно найти отражение в уровне и механизмах СУ, а также в различных механизмах обратной связи, а именно в естественном (как сложилось), и в искусственном (рекомендуемом) – по критериям «умного регулирования» (smart regulation) (Gunningham, Grabosky, 2004) через актуализированные правовые механизмы, информационные технологии и оценку регулирующего воздействия на различных уровнях властно-управленческой вертикали.

Методология и методы (Methodology and methods). Для проверки обозначенной гипотезы в ходе поискового этапа исследования, были выбраны 4 региона – Московская и Белгородская области, Республика Башкортостан и Республика Калмыкия по следующим основаниям:

- административно-географический принцип – Московская и Белгородская области, располагаются в Центральном Федеральном округе, Республика Башкортостан в Приволжском федеральном округе, Республика Калмыкия в Южном федеральном округе;

- социокультурный принцип – по Н. И. Лапину в вышеуказанных регионах разные уровни социокультурной модернизации: Калмыкия – низкий уровень, Белгородская область и Башкортостан – средний уровень, Московская область – высокий уровень (Лапин, 2015);

- социально-экономический принцип – Республика Калмыкия, низкий уровень социально-экономического развития (81 место); Республика Башкортостан (10 место)

и Белгородская область (18 место) – средний уровень, Московская область (4 место) – высокий уровень¹.

Исследование проведено Центром социологии управления и социальных технологий ИС РАН методом анкетирования. Объем выборки в каждом регионе – 500 респондентов. Общий объем массива – две тысячи человек. Результаты исследования свидетельствуют: социокультурная среда регионов влияет на потенциал СУ населения и охватывают существующую практику взаимодействия – развитость каналов обратной связи между населением и властью в регионе; оценку эффективности совместной работы власти и граждан по решению социально-значимых проблем; общественный потенциал участия (личная готовность, наличие управленческого опыта и т.п.).

Научные результаты и дискуссия (Research results and discussion). Как феномен социального участия, так и феномен «обратной связи» сегодня находятся под пристальным вниманием зарубежных и отечественных исследователей (Россия: реформирование властно-управленческой вертикали..., 2017; Davies, 2015; Jho, Song, 2015; Kreiss, 2015). Они могут в равной степени относиться и к социологии коммуникаций, и к социологии управления, а также к ряду дисциплин, использующих современную методологию исследований для научно-обоснованной экспликации данного явления, процесса. На теоретическом уровне феномен обратной связи как базовая коммуникативная платформа для организации социального участия больше изучается в социально-философском аспекте, в традициях кибернетики (кибернетический подход на принципах двойной обратной связи, витки (кольца) обратной связи), а в теориях среднего уровня при помощи традиционных методов как в контексте социально-политических исследо-

¹ Рейтинг социально-экономического положения субъектов РФ: итоги 2015 года. URL: http://riarating.ru/regions_rankings/20160615/630026438.html (дата обращения: 15.07.2016).

ваний (гражданское участие) (Clarke, 2010; Leighninger, 2014; Pautz, 2010), так и в социологических – социальное участие (Дридзе, 1995; Bakardjieva, 2009; Komito, 2007; Macintosh, 2004; Tundjungsari, Istiyanto, Winarko, Wardoyo, 2011).

К сожалению, можно констатировать, что современные исследовательские практики сегодня слабо интегрированы в практики управления, и еще в меньшей степени они используются для организации процесса обратной связи при построении работы всех властных структур. В мировой практике управления задачи организации обратной связи населения с органами государственной власти скорее номинально зафиксированы в моделях построения электронного правительства (e-Government), представляющие собой системы интерактивного взаимодействия государства и граждан при помощи Интернета (новые модели государственного управления), преобразующие традиционные отношения граждан и властных структур на основе информационных технологий. Однако в концепциях электронных правительств наблюдается скорее тренд «информационного обмена» в технократических традициях, чем реальная организация обратной связи государства и населения, что собственно доказывают результаты исследований наших иностранных коллег, к которым мы обратились и представили в наших предыдущих статьях в журнале «Научный результат». Обратимся хотя бы к европейскому опыту, где исследование зарубежных коллег, проведенное в Испании (Cegarra-Navarro, Cerdoba Pachyn, Cegarra, 2012), позволило рассмотреть еще очень важный социокультурный аспект, касающийся оценки эффективности электронного правительства и реального взаимодействия власти и населения «здесь и сейчас». Группа испанских ученых обнаружила факторы, способствующие установлению доверительных отношений между местными властями и гражданами при он-лайн взаимодействии (посредством веб-сайтов). Было исследовано

179 испанских официальных городских сайтов (веб-сайты в муниципалитетах). Однако, на основе полученных данных ученые пришли к выводу, о том, что электронное правительство не может заменить прямого общения, а информационные технологии лишь позволяют расширять репертуар взаимодействия.

Теперь обратимся к результатам нашего исследования, в котором мы также зафиксировали различную степень готовности населения включаться в процессы взаимодействия с местной региональной властью в реальном и онлайн-режимах для решения социально-значимых проблем.

Практика взаимодействия населения и органов власти. Порядка 25% респондентов за последние два-три года обращались к органам власти. Однако далеко не все контакты с властью преследовали цели социального участия; обращения носили различный характер:

- решение личных вопросов, оформление документов, получение справок – 52,4%;
- высказывание своих замечаний, требований, предложений, попытка решения общественных вопросов – 36%;
- обмен информацией (получение совета, предоставление информации) – 11,6%.

К решению проблем СУ относится только вторая позиция: т.е. немногим больше трети всех обращений.

Другая важная характеристика – востребованность гражданами каналов обратной связи для общения с муниципальными и государственными органами власти: личные обращения в муниципалитеты – 27,2%; письменно в органы власти и общественные приемные – 23,2%; лично к работникам госорганов – 17,6%; дистанционно (по электронной почте) пытались донести информацию – 15,2%. Встречались с депутатами и выступали на собраниях – не более 8% граждан.

Для высказывания своих замечаний, требований предложений, решения обще-

ственных вопросов чаще всего используются следующие каналы обратной связи: письменные обращения в общественные приёмные и дистанционные методы обращений (через интернет); личные контакты – встречи с депутатами, выступления на собраниях.

Что касается встреч с представителями государственных и муниципальных властей, то для населения это вынужденная мера, так как без этого невозможного решение проблем личного характера (оформление документов, получение справок и т.д.).

Относительно частоты обращений для целей социального участия. Лидером по числу обращений выступает Московская область, где по сравнению с другими регионами население наиболее интенсивно

взаимодействует с властями (30,2%), в том числе и по поводу проблем социального участия (17,4%). По сравнению с другими регионами большинство каналов обратной связи гражданами используются гораздо интенсивнее, в том числе для дистанционного обращения к властям (табл. 1). Несколько реже население контактирует в Республике Башкортостане (27,6%) и Белгородской области (24%). В этих регионах немного ниже, чем в Московской области доля обращений касательно социального участия: 10,4% и 8,8% соответственно. Менее всего общались с властями жители Калмыкии как по общему числу обращений (19,6%), так и по вопросам социального участия 5,4%. Это сказалось на частоте использования каналов обратной связи, они слабо задействованы.

Таблица 1

Использование населением каналов обратной связи
(в % от общего числа опрошенных)

Table 1

Use of feedback channels by citizens
(in % of the total number of respondents)

Виды каналов обратной связи	Республика Калмыкия	Белгородская область	Республика Башкортостан	Московская область
Письменные обращения в органы власти разного уровня, в общественные приемные	7,4	4,7	7,9	5,7
Обращения в органы власти разного уровня дистанционно, по электронной почте	1,9	4,1	4,9	6,3
Личные встречи с депутатами	2,7	1,7	2,6	4,3
Личные обращения к работникам государственных органов	4,6	4,7	5,4	5,0
Личные обращения к работникам муниципальных органов	4,8	6,0	10,9	8,5
Выступления на собраниях	1,3	3,2	2,6	3,3

Уровень удовлетворённости результатами обращений. В ходе исследования не выявлено преобладающей оценки, но обнаружена зависимость удовлетворённости результатами от характера обращений.

Удовлетворенность от результатов обращений населения для целей социального участия оказалась значительно ниже, чем от обращений к властям с другими целями (табл. 2).

Чаще положительную оценку респонденты ставили по результатам личных обращений к работникам государственных и муниципальных органов власти. Результативными, по мнению граждан, оказались те каналы, предоставляющие населению госуслуги (получение справок, подача заявлений). Тогда как дистанционные или письменные обращения, встречи с депутатами и выступления на собраниях зачастую разочаровывали.

Уровень удовлетворённости обращениями в регионах различен. Причины – в

количестве обращений с целью социального участия. Удовлетворённость результатом таких обращений ниже остальных видов обращений. Например, в Калмыкии общий уровень удовлетворенности – 55,2%, а удовлетворенность обращений по проблемам социального участия – 32,7%. Схожая картина и в других регионах: Белгородская область – 39,1% и 26,2%; Р. Башкортостан – 36,9% и 14,9%; Московская область – 35% и 19,9%.

Таблица 2

Оценка удовлетворённости в зависимости от характера обращений
(в % от общего числа опрошенных в группе)

Table 2

Satisfaction evaluation based on the nature of addresses
(in % of the total number of respondents in group)

Характер обращений	Уровень удовлетворенности			
	Высокий	Средний	Низкий	Затрудняюсь ответить
Решение личных вопросов, оформление документов, получение справок	43,2	25,7	26,4	4,7
Высказывание своих замечаний, требований, предложений, попытка решения общественных вопросов	22	25,3	47,4	5,3
Обмен информацией (получение совета, предоставление информации)	58,9	21,5	14,4	4,3

Наблюдается тенденция: чем выше доля обращений по проблемам социального участия, тем ниже уровень удовлетворённости людей. В результате наиболее высокий уровень удовлетворённости (среди опрошенных регионов) в Калмыкии, поскольку в данном регионе меньше всего обращений в целях социального участия. Самые низкие оценки удовлетворённости зафиксированы в Московской области, где доля обращений социального участия значительно выше, чем в других исследуемых регионах. Схожая тенденция в Башкортостане и Белгородской области.

Общественная оценка взаимодействия органов власти и населения в реше-

нии социально значимых проблем. Население оценивает способность властей принимать решения с учетом мнений граждан довольно скептически. При этом, чем дальше продвигается рассмотрение проблемы (осведомлённость о мнениях – учет мнений – совпадение мнений), тем ниже оценки властей (табл.3). К позитиву граждане чаще всего относят осведомленность властей о мнениях жителей. Несколько ниже учет мнений населения при принятии управленческих решений. Хуже всего оценивается мера совпадения принятых решений с мнениями граждан: здесь преобладают негативные оценки.

Общая тенденция – чем дальше про-

двигается рассмотрение проблемы, тем ниже оценки получают власти. При этом наиболее высоко оценивают деятельность властей по решению проблем в Москов-

ской и Белгородской областях, чуть хуже в Башкортостане. Самая плачевная ситуация в Калмыкии: здесь наиболее низкие оценки действий властей.

Таблица 3

Оценки деятельности властей по учету мнений населения
(в % от общего числа опрошенных)

Table 3

Evaluation of activities of authorities in consideration of opinions of the population
(in % of the total number of respondents)

Направление деятельности властей		Республика Калмыкия	Белгородская область	Республика Башкортостан	Московская область	В целом
Участие в решении проблем в целом	плохо	32,7	14,7	21,3	16,8	21,4
	удовл.	54,5	42,5	42,9	39,3	44,8
	хорошо	12,8	42,7	35,8	43,9	33,8
Осведомленность о мнении населения	плохо	40,7	19,8	28,4	22,1	27,7
	удовл.	45,6	44,9	39,4	36,4	41,6
	хорошо	13,8	35,3	32,2	41,6	30,7
Учет мнений населения в своей деятельности	плохо	43,2	24,1	24,3	26,0	29,4
	удовл.	45,3	39,8	44,1	38,9	42,0
	хорошо	11,4	36,1	31,5	35,2	28,6
Совпадение принятых решений с мнением людей	плохо	41,9	24,9	25,5	26,5	29,7
	удовл.	47,5	41,8	41,5	36,6	41,8
	хорошо	10,6	33,3	33,0%	37,0	28,5

Общественная активность населения характеризует готовность людей взаимодействовать с властью. Социальное участие – обоюдный процесс, поэтому важно оценить не только действия властей, но и активность самих граждан. В отличии от оценок, поставленных властям, действия рядовых граждан оцениваются выше, при доминировании средней оценки (табл. 4). Наиболее высоко оценена откровенность высказываемых мнений; несколько ниже активность и компетентность. Хуже всего оценивается конструктивность и деловитость высказываемых мнений. Можно говорить о весьма высоком общественном

потенциале участия, однако признается, что высказываемые претензии и требования не всегда имеют конструктивную основу, часто носят преимущественно эмоциональный характер.

В целом действия граждан оцениваются значительно выше, чем действия властей по организации совместного решения проблем. Лучше всего оценивает свою активность население Белгородской области: по всем позициям доминируют положительные оценки – более 50%. На втором месте Московская область, где также доминируют положительные оценки, но они не столь выражены, как в Бел-

городской области. На третьем месте Башкортостан: доминируют средние оценки. Хуже всего ситуация в Калмыкии: преобладает средняя оценка, но отрицательных значительно больше, чем положительных.

В этом регионе наибольшая доля респондентов негативно оценивают практику общественного участия в решении социально значимых проблем.

Таблица 4

Оценки действий населения по участию в решении проблем
(в % от общего числа опрошенных)

Table 4

Evaluation of actions of the population participating in the solution of problems
(in % of the total number of respondents)

Характер участия		Республика Калмыкия	Белгородская область	Республика Башкортостан	Московская область	В целом
Участие в решении проблем в целом	плохо	26,4	15,4	13,7	14,8	17,5
	удовл.	53,4	33,2	45,7	40,5	43,1
	хорошо	20,3	51,4	40,6	44,7	39,4
Активность в выражении мнений о проблемах	плохо	30,3	15,5	21,3	13,6	20,1
	удовл.	47,8	32,9	44,5	38,6	40,9
	хорошо	21,9	51,7	34,2	47,8	39,1
Компетентность в выражении мнений	плохо	26,7	18,3	15,9	15,0	18,9
	удовл.	55,1	32,2	45,4	40,9	43,3
	хорошо	18,2	49,5	38,7	44,1	37,8
Откровенность в выражении мнений	плохо	26,9	17,4	14,4	11,7	17,5
	удовл.	52,2	25,9	41,7	38,5	52,2
	хорошо	21,0	56,6	43,9	49,8	21,0
Конструктивность и деловитость предложений	плохо	28,8	16,5	14,7	14,8	18,6
	удовл.	52,5	33,4	46,2	37,4	42,2
	хорошо	18,7	50,1	39,1	47,8	39,3

Такова действительность, а что в перспективе? В какой мере население готово включаться в совместное с властью обсуждение и решение проблем? Сравнение полученных результатов с данными мониторинга 2012-2014 г.¹ фиксирует: за последние три года ситуация практически не изменилась: личную готовность к уча-

стию выразили в 2012 г. – 40,8%, в 2014 – 40,7%, в 2015 – 40,8%, отказались от данного предложения в 2012 г. – 48,9%, в 2014 – 42,6%, в 2015 – 46,7%. Среди тех, кто готов принимать участие в совместном решении проблем значительно чаще встречались респонденты, имеющие опыт взаимодействия с органами власти. Особенно это касается тех, кто использовал каналы обратной связи для целей социального участия.

В целом социальная активность в регионах совпадает. При этом наибольшая была выявлена в Башкортостане и Калмыкии: больше всего готовых к участию (43,9% и 40,6% соответственно), и меньше

¹Имеется в виду Мета-проект «Гражданская экспертиза состояния и перспектив развития сферы управления в РФ», проведенный в 2012 и в 2014 г. Центром социологии управления и социальных технологий ИС РАН (руководитель – д.с.н., проф. А.В.Тихонов) [Тихонов, 2010]. Результаты исследования опубликованы в материалах V социологического конгресса (Екатеринбург, октябрь, 2016) [Мерзляков, 2016].

всего от него отказавшихся (43% и 45% соответственно). Иная картина в Московской и Белгородской областях: менее всего готовы участвовать жители Белгородской области (38,5%), а больше всего отказавшихся зафиксировано в Московской области (50,2%).

Исследование показало: чем ниже оценивается деятельность граждан по взаимодействию с властью, тем выше уровень личной готовности к участию. Яркий пример – ситуация в Калмыкии: высокая готовность к участию на фоне низкой оценки существующей включенности населения в управленческий процесс. Люди явно осознают необходимость исправления ситуации в регионе. Готовность к личному участию – важный шаг в решении существующих проблем.

Значимый фактор для взаимодействия с властью – личный *управленческий опыт* (далее – «УО»), складывающийся из опыта руководящей работы, наличия подчиненных и участия в общественной деятельности. УО позволяет более активно использовать каналы обратной связи и 61% обратившихся его имеют, 39% таким опытом не обладают. Еще сильнее это выражено при обращении к властям для решения проблем социального участия – 67% и 33% соответственно.

Те, кто имеют УО, значительно чаще обращаются к властям и чем богаче УО (наличие у респондента более чем одной характеристики), тем выше уровень пользования каналами обратной связи для целей социального участия. Регионы близки по количеству респондентов, имеющих соответствующий УО: Башкортостане – 45,6%, Белгородская область – 41,8%, Московская область – 43,2%. Немного отстает Калмыкия: здесь примерно на 10% меньше таких респондентов (33,2%), чем в других регионах.

Важный фактор, побуждающий к взаимодействию с властями – сопричастность респондента к региону проживания, его *территориальная идентичность*.

В этой связи определялось отношение людей к региону своего проживания, уровень удовлетворенности жизнью в регионе и готовностью к переезду в другой регион. В целом был выявлен высокий уровень территориальной идентичности. Подавляющее большинство респондентов считают себя коренными жителями и чувствуют свою сопричастность к региону проживания (84%), достаточно высок и уровень удовлетворенности жизнью в регионе (73,3%). Готовность переехать в другой регион составляет около 10% в целом по регионам. Респонденты, считающие себя местными жителями, чаще пользуются каналами обратной связи при обращении к государственным и муниципальным органам власти, за исключением целей социального участия. Они чаще недовольны жизнью в регионе и чаще хотели бы уехать из него (14,9%), по сравнению с теми, кто не планирует этого делать (10,6%).

Заключение (Conclusions). Результаты нашего поискового исследования подтверждают гипотезу о влиянии социально-экономических и социокультурных факторов на взаимодействие населения с органами власти региона, но только в случае, если такое взаимодействие касается социального участия.

В регионах с высоким уровнем социально-экономического развития и социокультурной модернизации (Московская область) интенсивность взаимодействия населения и власти, с целью совместного решения проблем, значительно выше, чем в регионах с низким показателем развития (Калмыкия). Территориальное расположение региона не играет значимой роли во взаимоотношении власть-общество: в Белгородской области и Башкортостане выявлен схожий потенциал социального участия.

Также результаты исследования указывают на то, что в каждом регионе сложился свой потенциал социального участия, а предложенные социокультурные показатели (практика взаимодействия,

оценки сотрудничества власти и рядовых граждан, оценка общественного потенциала) позволяют этот потенциал измерить.

Вне зависимости от социокультурной специфики региона, обнаружен общий низкий уровень удовлетворённости населения эффективностью каналов обратной связи для целей социального участия. Респонденты, использовавшие такие каналы, значительно чаще ставили низкие оценки властям. В этой же группе выявлен наиболее высокий уровень намерений уехать из региона.

Общественный потенциал участия в целом весьма высок, но среди тех, кто готов принимать участие в управлении, велика доля недовольных сложившейся практикой взаимодействия населения и власти. И чем хуже (по мнению респондентов) эта ситуация, тем выше готовность к такому участию. Возможно, это связано со стремлением оказать властям помощь в решении существующих проблем. По сути, преобладают линейные связи детерминации социального участия граждан в управлении с уровнем социокультурной модернизации регионов. Это свидетельствует об отчуждении вертикали власти от реальной жизни населения, что во многих случаях носит повсеместный общероссийский характер. Как в советскую эпоху, так и на современном этапе развития общества, характеризующегося приобретением гражданами достаточно широкого пакета прав, отчужденность населения от управления не преодолена. Основной причиной отчуждения населения от власти стало отсутствие реальных, а не номинальных рычагов, с помощью которых граждане могут воздействовать на управляющую систему, оказывать воздействие на принимаемые ею решения. Данные им на волне демократизации права не получили своего воплощения в практической деятельности.

В ближайшее время предполагается продолжить анализ полученных данных поискового исследования, а также расширить эмпирическую базу данных за счет других регионов РФ, что в целом позволит

реализовать более верифицированную проверку комплекса гипотез по всему исследовательскому проекту.

Однако, в практической части вопроса уже сейчас можно говорить о необходимости разработки социальных технологий работы органов власти и управления с учетом активного участия населения регионов, которые бы позволили апробировать и внедрить новые формы социального участия, а на основе умного регулирования закрепили бы механизмы обратной связи между властью и населением через развитие нормативно-правового поля, предоставляющего больше возможностей для реального (не номинального) вовлечения граждан в решение социально-значимых проблем регионов.

Список литературы

Дридзе Т. М. Социальная коммуникация в управлении с обратной связью // Социологические исследования. 1998. № 10. С. 44-47.

Лапин Н. И. Актуальные теоретико-методологические аспекты исследований российской модернизации // Социологические исследования. 2015. № 1. С. 5-10.

Мерзляков А. А. Социальное участие как объект социологического анализа // Модернизация отечественной системы управления: анализ тенденций и прогноз развития. Материалы Всероссийской научно-практической конференции и XII-XIII Дридзевских чтений. М.: ИС РАН, 2014. С. 321-326.

Мерзляков А. А. Технологизация гражданского социального участия // Социология управления. Теоретико-прикладной толковый словарь / отв. ред. А. В. Тихонов. М.: КРАСНАД, 2015. С. 296-298.

Мерзляков А. А. Готовность населения к участию в реформировании отечественной системы управления // Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость. Материалы V Всероссийского социологического конгресса. Екатеринбург, 19-21 октября 2016 года / отв. ред. В. А. Мансуров – Электрон. дан. – М.: Российское общество социологов, 2016. С. 3181-3193.

Россия: реформирование властно-управленческой вертикали в контексте проблем социокультурной модернизации регио-

нов / Отв. редактор А. В. Тихонов. М.: ФНИСЦ РАН, 2017.

Тихонов А. В. Социология управления: Теоретические основы. М.: Изд-во Канон+, 2009.

Тихонов А. В. К обоснованию программы сетевого метапроекта «Готовность ответственной системы управления к решению задач модернизации и экономического развития» // Социальное обоснование стратегий городского регионального и корпоративного развития: проблемы и методы исследований. Материалы IX Дридзеvских чтений / отв. ред. А. В. Тихонов. М.: ИС РАН, 2010. С. 165-182.

Bakardjieva M. Subactivism: lifeworld and politics in the age of the internet // The Information Society. Taylor and Francis. 2009. Vol. 25, № 2. Pp. 91-104.

Clarke A. Social media: 4. Political uses and implications for representative democracy. Canada: Library of Parliament, 2010.

Canter L. W. Environmental Impact Assessment. Second Edition. McGraw-Hill, Book Co, 1996.

Cegarra-Navarro J. G., Cyrdoba Pachyn J. R., Cegarra J. L. E-government and citizen's engagement with local affairs through e-websites: The case of Spanish municipalities // International Journal of Information Management. 2012. Vol. 32. Pp. 469-478.

Davies R. e-Government: Using technology to improve public services and democratic participation / European Parliamentary Research Service. 2015.

Geddes P. Cities in Evolution. London, 1949.

Gunningham N., Grabosky P. Smart Regulation Designing Environmental Policy. Oxford University Press, 2004.

Jho W., Song K. J. Institutional and technological determinants of civil e – participation: Solo or duet? // Government Information Quarterly. 2015. № 32. Pp. 488-495.

Kreiss D. The Problem of Citizens: E-Democracy for Actually Existing Democracy // Social Media + Society. 2015. Pp. 1-11.

Komito L. Community and inclusion: The impact of new communications technologies // Irish Journal of Sociology. 2007. Vol. 16, № 2. Pp. 77-96.

Leighninger M. Citizenship And Governance In A Wild, Wired World: How Should Citizens And Public Managers Use Online Tools To

Improve Democracy? National Civic Review. 2014. Pp. 20-29.

Macintosh A. Characterizing E-Participation in Policy-Making // Proceedings of the 37th Hawaii International Conference on System Sciences. Track 5, Hawaii, January 5-8, 2004. USA, 2004. Pp. 1-10.

Pautz, H. The Internet, Political Participation and Election Turnout // German Politics & Society. 2010. Vol. 28, № 3. Pp.156-175.

Tundjungsari V., Istiyanto J.E., Winarko E., Wardoyo R. E-Participation Modeling and Developing with Trust for Decision Making Supplement Purpose // International Journal of Advanced Computer Science and Applications. 2011. Vol. 3, № 5. Pp. 55-62.

References

Dridze, T. (1998), "Social communication in management with feedback", *Sotsiologicheskie issledovaniya*, (10), 44-47. (In Russian).

Lapin, N. (2015), "Relevant theoretical-methodological aspects researches of Russian modernization", *Sotsiologicheskie issledovaniya*, (1), 5-10. (In Russian).

Merzlykov, A. (2014), "Social participation as a subject of sociological analysis", *Theses of the All-Russian scientific and practical conference and the XII-XIII Dridzevsky readings "National management system modernization: trends analysis and forecast development"*, Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, 321-326. (In Russian).

Merzlykov, A. (2015), "Civil social participation technology", *Sotsiologiya upravleniya. Teoretiko-prikladnoy tolkoviy slovar* [Sociology of management. Theoretical and applied dictionary], KRASNAD, Moscow, Russia, 296-298. (In Russian).

Merzlykov, A. (2016), "The Russian population readiness to participates in the national system management reform", *Materials of the V All-Russian sociological Congress "Sociology and society: social inequality and social justice"*, Russian Society of Sociologists, Moscow, Russia, 3181-3193. (In Russian).

Russia: reform of the power-management vertical in the context of sociocultural modernization of regions (2017), in Tikhonov, A. V. (ed.), FNISC RAS, Moscow, Russia. (In Russian).

Tikhonov, A. (2009), *Sociology of management: Theoretical bases*, Kanon+, Moscow, Russia. (In Russian).

Tikhonov, A. (2010), "Program network meta-project "Readiness of the national management system to solving modernization and economic development problems" substantiation", *Theses of the All-Russian scientific and practical conference and the IX Dridzevsky readings "Social substantiation of urban, regional and corporate development: problems and research methods"*, Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, 165-182. (In Russian).

Bakardjieva, M. (2009), "Subactivism: lifeworld and politics in the age of the internet", *The Information Society. Taylor and Francis*, 25 (2), 91-104.

Clarke, A. (2010), *Social media: 4. Political uses and implications for representative democracy*, Library of Parliament, Ottawa, Canada.

Canter, L. W. (1996), *Environmental Impact Assessment. Second Edition*. McGraw-Hill, Book Co.

Cegarra-Navarro, J. G., Cyrdoba Pachyn, J. R. and Cegarra, J. L. (2012), "E-government and citizen's engagement with local affairs through e-websites: The case of Spanish municipalities", *International Journal of Information Management*, 32, 469-478.

Davies, R. (2015), *e-Government: Using technology to improve public services and democratic participation*, European Parliamentary Research.

Geddes, P. (1949), *Cities in Evolution*, London.

Gunningham, N. and Grabosky, P. (2004), *Smart Regulation Designing Environmental Policy*, Oxford University Press.

Jho, W. and Song, K. J. (2015), "Institutional and technological determinants of civil e-participation: Solo or duet?", *Government Information Quarterly*, 32, 488-495.

Kreiss, D. (2015), "The Problem of Citizens: E-Democracy for Actually Existing Democracy", *Social Media + Society*, 1-11.

Komito, L. (2007), "Community and inclusion: The impact of new communications technologies", *Irish Journal of Sociology*, 16 (2), 77-96.

Leighninger, M. (2014), "Citizenship And Governance In A Wild, Wired World: How Should Citizens And Public Managers Use Online Tools To Improve Democracy?", *National Civic Review*, 20-29.

Macintosh, A. (2004), "Characterizing Eparticipation in Policy-Making", *Proceedings of the 37th Hawaii International Conference on System Sciences*, Track 5, Hawaii, USA, 1-10.

Pautz, H. (2010), "The Internet, Political Participation and Election Turnout", *German Politics & Society*, 28 (3), 156-175.

Tundjungsari, V., Istiyanto, J. E., Winarko, E. and Wardoyo, R. (2011), "E-Participation Modeling and Developing with Trust for Decision Making Supplement Purpose", *International Journal of Advanced Computer Science and Applications*, 3 (5), 55-62.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the authors have no conflict of interest to declare.

Богданов Владимир Сергеевич, кандидат социологических наук, доцент, старший научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук.

Мерзляков Андрей Александрович, кандидат социологических наук, доцент, старший научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук.

Vladimir S. Bogdanov, PhD in Sociology, Senior Researcher, Federal Center for Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences.

Andrey A. Merzlykov, PhD in Sociology, Leading Researcher, Federal Center for Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences.